ГОТОВИМСЯ К ЭКЗАМЕНАМ

В. ИЗРАНЦЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ИНЯКИНО 2017

В ночь с 17-го на 18-е марта 1584 г. в своих кремлевских покоях, изнемогая от страшных болей в позвоночнике, умирал царь Иван IV Грозный. Его физические страдания усугублялись мучительными размышлениями о будущем Российского царства и прежде всего о своем приемнике. За полтора года до своей кончины, крупно поссорившись со своим старшим сыном Иваном, грозный царь в порывах необузданного гнева неосторожным ударом своего «посоха» убил наследника. Наследовать престол должен был его второй сын от брака с царицей Анастасией царевич Федор.Однако личные качества Федора заставляли усомниться в самой его способности к управлению государством. Еще один сын – царевич Дмитрий находился еще в младенческом возрасте и к тому же был сослан отцом вместе со своей матерью Марией Нагой в отданный ему в удел город Углич.

В. Шварц. Иван Грозный у тела убитого сына.

Царь Федор Иванович сам править государством не мог. Сразу же после церемонии венчания на царство (31 мая 1584 г.) в его окружении развернулась нешуточная борьба за влияние на царя между боярскими группировками.

Несколько месяцев опекуном царя и фактическим правителем продержался боярин Никита Романович Захарьин – Юрьев, родной дядя царя по матери. Когда Никита Романович заболел и умер, эта роль перешла к царскому шурину, боярину Борису Федоровичу Годунову.

БОРИС ГОДУНОВ

Точная дата рождения Бориса Годунова неизвестна; год рождения – 1551 или 1552. Что касается его родословной, существует две версии. По одной, общепринятой, около 1330 года из Орды на службу к великому князю Ивану Калите приехал татарский мурза Чет, крещенный в православии с именем Захарий, ставший родоначальником впоследствии весьма знатных боярских фамилий Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых. По другой версии, родоначальником этих фамилий был Дмитрий Зерно – внук богатого костромского боярина Захария, приехавший в 1330 году ко двору Ивана Калиты. Обе версии замыкаются на отце будущего царя Федоре Ивановиче Годунове Кривом.

После смерти Федора Ивановича его детей Василия, будущего царя Бориса, Ирину взял в свой дом его бездетный брат Дмитрий Иванович, возглавлявший при Иване Грозном Постельничий приказ. Являясь одновременно и царским постельничим, Дмитрий Иванович имел в Кремле свой двор. В доме дяди дети получили достаточно хорошее образование.

Царь Борис Федорович Годунов

В 15 лет Борис получил свою первую незначительную должность в том же Постельничем приказе. С помощью дяди Борис каким-то образом проявил себя. К осени 1571 года он уже был женат на дочери царского любимца Григория (Малюты) Скуратова-Бельского – Марии. Положение Бориса при дворе стало прочным. Через сестер жены он породнился со знатными боярскими фамилиями Глинских и Шуйских. В октябре того же 1571 года Борис присутствовал на свадьбе Ивана Грозного с Марфой Собакиной в качестве дружки невесты. Вначале брак Бориса Годунова в смысле появления наследников складывался неудачно. Первые два ребенка умерли в младенчестве. Но вот в 1589 родился сын Федор (будущий царь), а годом позже – дочь Ксения (будущая жена царя Федора Ивановича). Борис очень любил своих долгожданных детей, заботился о них, дал им хорошее образование.

С подачи вновь приобретенных могущественных родственников карьера Годунова при дворе Ивана Грозного стремительно развивалась. В военных походах Ивана Грозного 1572-1573 гг. он был назначен копьеносцем наследника престола – царевича Ивана. В 1574 году на свадьбе Ивана Грозного с Анной Васильчиковой Борис участвовал уже как дружка самого царя. Теснейшее сближение Бориса Годунова с царским семейством произошло в 1578 году: его сестра Ирина вышла замуж за царевича Федора – младшего сына Ивана Грозного. Царевич начал вводить в свое ближайшее окружение родственников жены, прежде всего Годуновых. Но карьера Бориса продолжала складываться как чисто придворная, никаких заслуг перед государством он не заслужил. В 1578 году Иван Грозный возвел его в боярское достоинство. Пришло первое серьезное богатство: резко увеличился служебный оклад, увеличились доходы с родовых вотчин, увеличились размеры земельных владений в трех уездах Подмосковья.В те времена только семейным кланам было под силу пробиться в верха: вместе с Борисом возвышались Сабуровы и остальные Годуновы. Поднимались по служебной лестнице и другие родственники жен самодержца: Романовы, Черкасские, Нагие. К тому же опричнина Ивана Грозного выкосила под корень многие семьи бояр-конкурентов.

Со смертью Ивана Грозного и воцарением Федора Ивановича (1584 г.) пришло время клана Годуновых: они развернулись во всю свою мощь. Годуновы из ближайшего окружения царевича автоматически перешли в круг ближайшего окружения царя. За счет царских милостей всего за пару лет семейство Бориса Годунова стало одним из богатейших в государстве. Годуновых могло огорчать только одно: жена царя Ирина (Годунова) так и не смогла родить наследника.

А вот реальные заслуги Бориса Годунова перед государством оставались крайне скромными. Правда, в 1588 году по воле царя Федора Ивановича Годунов совместно с А. Щелкаловым провел успешные переговоры с константинопольским патриархом по поводу учреждения на Руси патриаршества. А в 1591 году, когда татар вынудили уйти от Москвы, Борис Годунов командовал московским дворянским ополчением. И все же, к концу правления Федора Ивановича в руках Годуновых оказались все важнейшие нити управления армией, дипломатией, царским имуществом; клан Годуновых был готов к возможной борьбе за престол.

В ночь с 6 на 7 января 1598 года Федор Иванович скончался.По закону и традиции до провозглашения нового царя правительство и государство возглавил патриарх Иов – первое после верховного правителя лицо в государстве. Федор Иванович умер бездетным, не сделав никаких распоряжений о наследовании престола. В России наступил династический кризис. При жизни царя Федора Ивановича его жену Ирину, как было принято, именовали «царицей» и «великой государыней». Но то были лишь торжественные титулы, не дававшие реальной власти. Тем не менее для предупреждения возможных волнений в межцарствие уже в день смерти царя бояре

присягнули на верность Ирине. Первым своим указом (8 января) вдовствующая царица объявила всеобщую и полную амнистию для всех заключенных в тюрьмы, а уже на следующий день (9 января) о своем намерении уйти в монастырь. 15 января Ирина Федоровна выехала в Новодевичий монастырь, где в тот же день приняла монашеский постриг под иноческим именем Александра. Формально государство вновь возглавил патриарх Иов, но все знали, что страной продолжает управлять «государыня царица – инокиня» с помощью приехавшего и оставшегося в монастыре брата Бориса. В то же время, предварительные неофициальные обсуждения в высших московских кругах кандидатов на трон явного преимущества Бориса Годунова не выявили. Многие бояре были крайне недовольны засилием Годунова и его родственников в структурах власти. У Годуновых, действительно, была реальная власть на всех уровнях. Выбрать нового царя должен был Земский собор, который и состоялся сразу же после окончания траура по царю Федору I. В ходе работы Земского собора кандидатов на царский трон было четверо, а основным соперником Годунова был Федор Никитич Романов. Состав Земского собора был таков, что говорить о «всенародном» избрании Годунова не приходится. Он скорее был выбран светскими и духовными чинами. Все время работы собора Годунов находился в Новодевичьем монастыре. Соблюдая правила приличия, он несколько раз высказывал свое несогласие принять царский венец. Только 21 февраля, после прибытия в монастырь крестного хода во главе с патриархом, Годунов такое согласие дал. Первым благословила его на царство государыня Ирина, вслед за ней патриарх Иов. С этого дня Борис Годунов стал считаться нареченным царем.

26 февраля новый государь торжественно въехал в Москву, отказавшись от традиционных богатых подарков. «Старшие» бояре продолжали, тем не менее, свои интриги. Ведя тонкую политику, Борис Годунов только 1 сентября согласился венчаться на царство, а 3 сентября короновался в Успенском соборе Кремля. Обещания царя Бориса Годунова править милостиво и никого не казнить, не расходились с делами и в первые годы его царствования все были довольны новым царем. Однако через несколько лет, отчасти и по объективным причинам, отношение к царю сменилось на противоположное.

К осени 1600 года у царя обострилась давняя болезнь. Шансы оставить государство своему сыну – одиннадцатилетнему Федору были невелики. Борис Годунов начал убирать с политической арены его главных конкурентов. В ссылку были отправлены Черкасские, Репнины, Б. Бельский и Ф. Романов. Последний, как основной конкурент, был насильно пострижен в монахи, навсегда лишившись возможности занять московский трон.

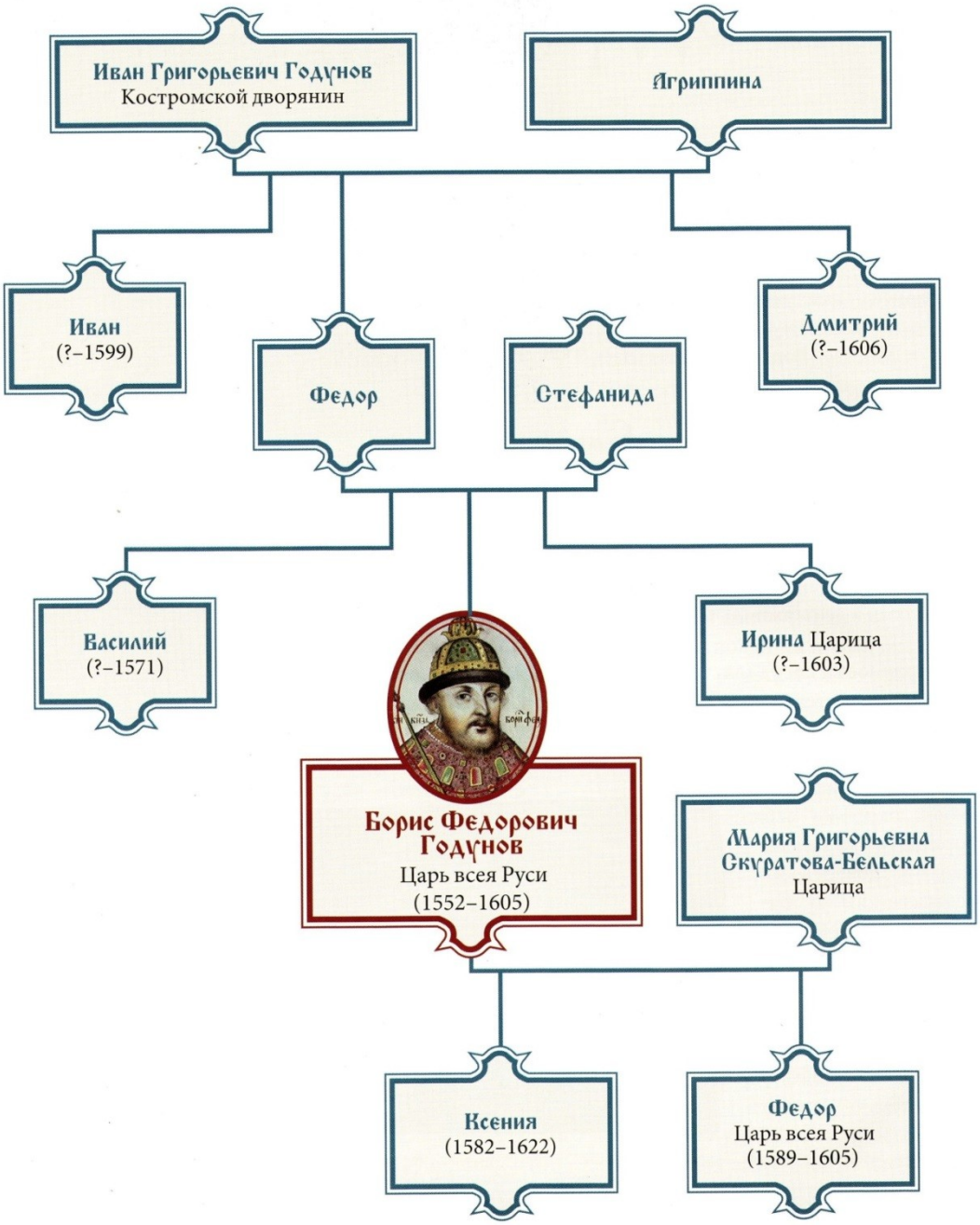
Уже в конце 1600 года стали доходить первые слухи о самозванце ЛжедмитрииI, а осенью 1604 года, переправив через Днепр свои войска, он устремился к Москве. Среди Годуновых опытных полководцев не было.Управление войсками, вышедшими навстречу самозванцу, было доверено склонной к интригам и заговорам московской знати. В войсках началось брожение, появились первые перебежчики, а потом дело дошло и до открытого заговора против Бориса Годунова.

13 апреля 1605 года Борис Годунов скончался. На следующий день он был похоронен в Архангельском соборе рядом с могилой царя Федора I Ивановича со всеми полагающимися почестями.

Останки первого избранного в России царя упокоились ненадолго. В первых числах июня 1605 года после оглашения в Москве послания Лжедмитрия I народ принялся громить подворья Годуновых. 5 июня столичная знать решила отомстить хотя бы мертвому Годунову.Могилу раскопали, тело вынесли из Архангельского собора, глумились над ним, затем в простом гробу

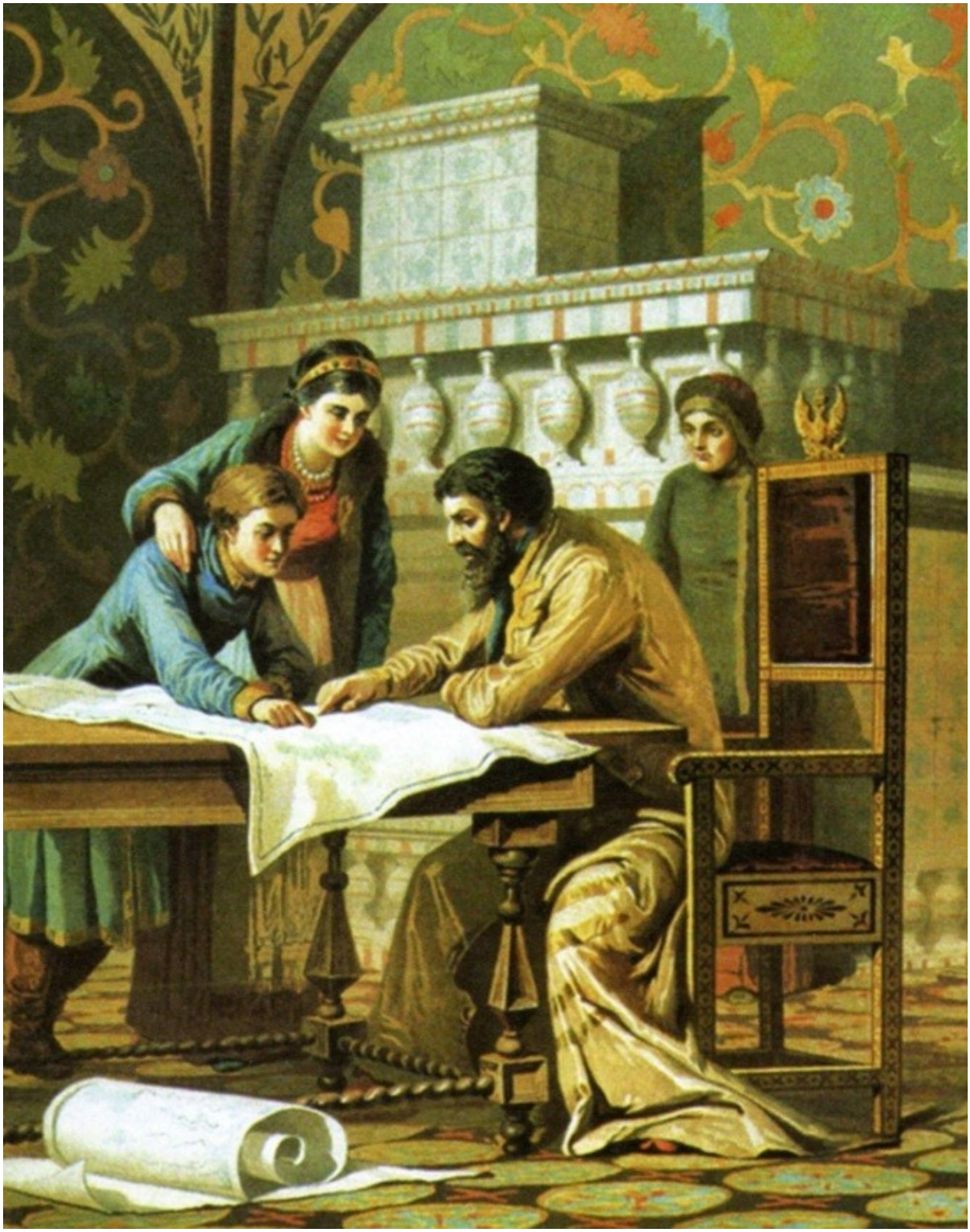
закопали недалеко от церкви маленького Варсунофьева женского монастыря Москвы. Тем самым покойный, хотя и символически, но все же был лишен царского титула и почестей.

Генеалогическая схема



ФЕДОР БОРИСОВИЧ ГОДУНОВ

Федор Годунов родился в 1589 году и был третьим ребенком в семье боярина Бориса Годунова и Марии Григорьевны Скуратовой-Бельской, дочери известного палача-опричника во времена Ивана Грозного.



А. Крившенко. Борис Годунов и дети.

Отец Федора Борис Годунов входил в ближайшее окружение царя Федора I Ивановича. Первые два ребенка Годуновых умерли в младенчестве. Федор и родившаяся годом позже Ксения были окружены родительской любовью и заботой, подучили хорошее образование и воспитание.

С самого раннего возраста Федор присутствовал на приемах иноземных послов и московской знати, которых принимал в своем доме Борис Годунов. С четырнадцати – пятнадцати лет Федор уже участвовал на официальных приемах во дворце и заседаниях Боярской думы, куда отправлял его как возможного наследника престола царствующий, но постоянно болеющий отец: Борис Годунов готовил сына к приему царской власти. Роста Федор был среднего, хорошего телосложения, красив лицом, отличался не по годам развитым умом, тягой к знаниям.

К концу правления его отца все высшие структуры власти оказались под властью родственников Годуновых. Расчищая сыну дорогу к наследованию престола, отец подверг гонению и ссылкам все значимые боярские семейства. В обществе царили недоверие и озлобленность на всех Годуновых.

13 апреля1605 года скоропостижно, не сделав никаких распоряжений по поводу наследования престола, отец Федора царь Борис Годунов скончался. Через три дня после кончины патриарх Иов в обращении к народу сообщил, что перед смертью царь объявил своим наследником на царство сына Федора. Московские чины и простой люд стали приводиться к присяге новому 16-летнему самодержцу – Федору Борисовичу Годунову – сыну Бориса Годунова, внуку главного опричника Ивана Грозного Малюты Скуратова. Обиженная на Годуновых московская знать понимала, что долго удержаться на троне Федор Борисович не сможет: многие из Годуновых к тому времени с политической сцены уже сошли, а оставшиеся не пользовались у населения ни доверием, ни авторитетом. Юному и неопытному царю Федору опереться в решении государственных вопросов было совершенно не на кого.

К Москве тем временем приближались войска ЛжедмитрияI.

В осадившем город Кромы царском войске зрел заговор князей-воевод братьев Голицыных и рязанских дворян братьев Ляпуновых против власти. В столице сведения о мятеже в армии уверенности властям не прибавлял, но ситуация еще оставалась под контролем. Отряд донских казаков под началом атамана Карелы подошел к Москве. Федор Борисович объявил в столице осадное положение. Но судьба династии Годуновых решалась уже не на полях сражений, а на уровне московской толпы. По Москве ходили манифесты «истинного царя» Лжедмитрия, разжигая в людях ненависть к правящей династии. В один из июньских дней подстрекаемая боярами-заговорщиками толпа ворвалась в Кремль и начала громить царский дворец и подворья Годуновых. Царя с матерью слуги успели спрятать и они остались живы. Заговорщиков-бояр такие полумеры конечно же не устраивали. Уже через два дня Боярская дума приняла решение о направлении к самозванцу делегации и о заключении под домашний арест всей царской семьи.

Приехавшим с Серпухов на поклон к самозванцу боярам было объявлено, что «царевич Дмитрий» до тех пор не приедет в Москву, «прежде чем не будут уничтожены те, кто его предал… Пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью». 9 июня в Москву прибыла посланная самозванцем боярская комиссия во главе с В. Голицыным и личным посланником царя П. Басмановым для окончательного установления контроля в столице. Расправа с царской семьей была поручена бывшим опричникам – дворянам М. Молчанову и А. Шерефединову. Годуновых развели по разным комнатам. Царевну Ксению заговорщики оставили

в живых. Царица Мария была задушена. Отчаянно сопротивлявшегося царя Федора оглушили дубиной и умертвили самым отвратительным способом.

К. Маковский. Агенты Лжедмитрия убивают Федора Борисович

Комиссия Голицына расправилась и с патриархом Иовом, до конца хранившим верность Годуновым.

Народу объявили, что Федор и его мать сами отравились ядом. Их тела в простых гробах были выставлены на всеобщее обозрение тут же, на подворье дома Бориса Годунова. Погребальный обряд не проводился. Царя и царицу похоронили рядом с Борисом Годуновым в ограде Варсунофьева женского монастыря на Сретенке без всяких почестей.

Расправились ли с Годуновыми наемники Лжедмитрия, или проявила свою инициативу ненавидящая Годуновых московская знать, так и осталось неизвестным. Лжедмитрий сделал вид, что поверил в самоубийство Годуновых.

Усыпальница Годуновых близь Успенского собора Троице-Сергиевой лавры.

Только в феврале 1607 года новый царь Василий Шуйский приказал торжественно перезахоронить останки Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре. Впоследствии рядом с ними похоронили и дочь Ксению.

ЛЖЕДМИТРИЙ I

В последние годы царствования Бориса Годунова практически все высшие государственные должности занимали его родственники. Знатнейшие фамилии царства оказались не у дел, а многие из них были репрессированы и сосланы по окраинам государства. Естественно, что родовитая знать испытывала к Годунову ненависть, хотя он и был избран на царство Земским собором. Но по тогдашнему законопорядку предъявить права на трон мог только человек, уже имеющий титул царя или, как исключение, титул великого князя. Для свержения Бориса Годунова оставался, таким образом, единственный вариант – создать более-менее достоверную легенду о законном претенденте на трон. Для этого было использовано имя последнего сына Ивана Грозного царевича Дмитрия, погибшего в девятилетнем возрасте в Угличе в 1591 году. Тогда в народе ходили ни чем впоследствии не подтвержденные слухи о причастности к смерти царевича Бориса Годунова, расчищавшего якобы себе путь к трону. Со временем толки поутихли, но в голодные годы правления Годунова возобновились вместе с надеждой, что может и должен прийти «хороший царь». Заинтересованным в свержении ненавистного Годунова представителям родовитой московской знати оставалось только найти и выдвинуть конкретную фигуру. Такая фигура обнаружилась в лице Григория Отрепьева.

А. Васнецов. Москва. Красная площадь.

Первые сообщения об объявившемся где то в Польше чудом спасшегося царевича Дмитрия дошли до Москвы к 1600 году. Первоначально официальные московские власти серьезного значения слухам не предавали. Лишь в 1603 году, когда Лжедмитрий,уже будучи в Польше, начал проявлять первые признаки активности, Борис Годунов повелел Посольскому приказу провести тщательное расследование. Провести его было не так уж и сложно: в Галиче жила мать самозванца, а в Москве в должности стрелецкого головы служил его родной дядя Никита Смирной. В конце 1603 года в Речь Посполитую к князю Адаму Вишневецкому было

отправлено требование о выдаче «вора» - беглого чернеца Чудова монастыря, именовавшегося в миру Григорием Отрепьевым. Григория обличали его мать, родной брат, дядя Никита Смирной и другие родственники. Не желая придавать всей истории характера крупного заговора и пытаясь успокоить царя, следствие представляло Лжедмитрия как лжеца-одиночку, пьяницу и авантюриста, что, конечно же, не соответствовало действительности.

Патриарх Иов. Портрет из «Царского титулярника».

Лжедмитрий (Григорий Отрепьев) родился в 1580 году в обедневшей дворянской семье. Прадед и дед Григория значились на царской службе в Боровском уезде в 1552-1566 годах. Вслед за ними на царскую службу поступили отец самозванца Богдан и дядя Никита Смирной Отрепьев. Отец дослужился только до чина стрелецкого сотника, имел положенное по штату небольшое поместье под Москвой и погиб в нелепой пьяной драке. Григорий воспитывался матерью – Варварой Отрепьевой. Для обучения мальчика отвезли в Москву и по протекции дяди отдали в одну из школ при Приказах, где готовили простых переписчиков. При несомненных успехах в обучении рассчитывать на какую либо карьеру Григорию не приходилось. Он устроился на частную службу к Михаилу Никитичу Романову, а затем к его шурину Борису Черкасскому. В 1600 году Романовы, Черкасские, родственные им фамилии вместе со слугами подверглись опале. Григорий не стал дожидаться беды, и в ноябре 1600 года постригся в монахи. Но полной безопасности монашество не давало, Григорий покинул Москву и начал путешествие по провинциальным монастырям. В Москву он вернулся через год и был принят в Чудов монастырь. Незаурядный

почерк, способности к восприятию всего нового, острый ум позволили ему всего за один год сделать карьеру: пройдя ступени келейника, архимандрита, дьякона Григорий стал придворным патриарха Иова.

Расположение Чудова монастыря в непосредственной близости от царского дворца и приказов позволяло монахам быть в курсе политической жизни и событий, хорошо знать обычаи и нравы придворной жизни. Григорий, бывавший в качестве писца патриарха на советах и заседаниях, также не мог оставаться в стороне от происходящих политических событий. Отрепьев часто расспрашивал монахов Чудова монастыря о подробностях смерти царевича Дмитрия в Угличе. Здесь же в монастыре он впервые попытался открыть братии свое «царское» происхождение. Такая «проба сил» вполне могла закончиться и плахой. Невозможно представить, что замысел о претензиях на царскую корону у захудалого провинциального дворянина появился без подсказки и, главное, без обещания покровительства и помощи со стороны каких-то могущественных людей.

В феврале 1602 года Григорий ударился в бега, поближе к Литве – традиционному пристанищу русских беглецов. Его товарищами-спутниками стали монах Михаил Повадьин и старик-священник Варлаам Яцкий, друзья по Чудову монастырю.

Г. Мясоедов. Бегство Гришки Отрепьева из корчмы на литовской границе.

Три недели путники провели в Печерском монастыре в Киеве, входящем тогда в состав польско-литовской Украины. Здесь Отрепьев вновь пытался озвучить свою легенду, за что вся троица была выставлена за ворота монастыря. История повторилась и в Остроге, в имении

Василия Острожского. До этого момента поведение самозванца управлялось, скорее всего, какими-то высокими покровителями, оставшимися в Москве. А в дальнейшем он стал действовать на свой страх и риск.

Опасаясь разоблачения со стороны своих спутников, Григорий сбежал от них из Дерманского монастыря в Гощу, избавившись, заодно, и от монашеского одеяния. Нужно было думать о прибежище и пропитании. Григорий нанялся простым работником к местному пану Гавриле Хойскому, затем сошелся с местной общиной еретиков – ариан, у которых прожил до лета 1603 года. Теперь самозванцу необходимо было восстановить свою репутацию в глазах православного духовенства, иначе о московском престоле можно было и не мечтать. Григорий решил попробовать добиться покровительства князя Адама Вишневецкого. Его обширные земли примыкали к границе Московского царства и оставались предметом жесткого конфликта с московскими царями. Хорошая осведомленность об отношениях Бориса Годунова и высшей московской знати и расчет оказать с помощью самозванца нажим на московского царя в земельных спорах помогли князю Вишневецкому «признать» в Отрепьеве царевича Дмитрия. В ответ на очередное требование Москвы выдать «вора» князь увез Отрепьева подальше от границы в свое родовое имение Вишневец. Такие действия князя ставили идею самозванства уже на более высокий уровень, так как семейство Вишневецких состояло хотя и в дальнем, но родстве с покойным царем Иваном Грозным.

В 1603 году у польских политиков не было намерений обострять отношения с Москвой. Однако Адам Вишневецкий уже в январе 1604 года в Лубнах начал формировать для самозванца вооруженные отряды. К весне того же 1604 года при дворе польского короля Сигизмунда III Вазы появились влиятельные сторонники войны с Москвой под предлогом восстановления законных прав истинного «царевича Дмитрия». Сигизмунд III не мог официально поддержать самозванца и помочь ему силами польской армии, но покровительство оказал самое активное. Дальнейшее руководство завязавшейся политической интригой взял на себя сенатор и воевода Юрий Мнишек, родственник Адама Вишневецкого. Заручившись гарантиями королевской поддержки Мнишек не только принял Лжедмитрия у себя в Самборе с царскими почестями, но и решил организовать его брак со своей дочерью Мариной (Марианной). Сделав предложение католичке Марине, Григорий дал своим покровителям ясно понять, что и сам не прочь сменить веру. На этом настаивал и будущий тесть.

Интерес к завязавшейся интриге стал активно проявлять Ватикан, особенно после заявления Лжедмитрия о готовности сменить веру. В феврале 1604 года пан Мнишек привез самозванца в Краков. Здесь «царевич Дмитрий» удостоился аудиенции и продолжительной беседы с кардиналом Мациевским. Доверенные лица главы римско-католической церкви организовали встречу самозванца с королем Сигизмундом III. В ответ на обещания польского короля в содействии Григорий подписал «кондиции» (договор), в которых принимал на себя обязательства после своего воцарения передать во владения Польши Чернигово-Северскую землю, шесть городов с окрестностями в Северском княжестве и половину Смоленской земли. Оставшиеся части княжества и Смоленской земли переходили на вечные времена Юрию Мнишеку и его наследникам. Был составлен и брачный контракт, по которому самозванец получал лишь жену; пан Мнишек – миллион польских злотых из московской казны и переезд в Москву; невеста, после того как станет царицей – Новгородскую и Псковскую земли на правах удельных, то есть не подчиняющихся Москве, княжеств. Кроме того, Отрепьев обязался в течение одного года после своего воцарения привести в католическую веру все Московское царство. В противном случае

Мнишеки оставляли за собой право расторгнуть брак с сохранением всех земельных пожалований.

Конечно, появление самозванца было до некоторой степени выгодно польской верхушке, но главным заинтересованным лицом была, безусловно, московская родовитая знать. Для нее самозванство было единственным способом свержения ненавистного царя.

В конце лета 1604 года в окрестностях Львова собрались отряды, составлявшие «вооруженные силы» новоявленного царя: 600 польских гусар, около 500 пехотинцев, 200 беглых из Москвы, 1,5 тысячи казаков. Идти с такой армией на Москву было чистым безумием. Также считали и в Москве, тем более, что путь к столице должен был пролегать через Смоленск и через ряд других мощных русских крепостей. Но самозванец не пошел к Смоленску, переправившись через Днепр в районе Киева. На южном пути к Москве предприятие Лжедмитрия имело больше шансов на успех. На юге страны после нескольких голодных годов собралось много беглого люда, образовав целые независимые от Москвы поселения. Здесь же после ряда неудавшихся восстаний скрывалось много беглецов с Украины. И здесь же, среди крайне недовольного люда, ходили самые упорные слухи о спасении царевича Дмитрия, соединяясь с надеждами на воцарение доброго и справедливого царя.

Рембрандт. Польский дворянин.

Н. Неврев. Присяга Лжедмитрия польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма.

В течение месяца к Лжедмитрию присоединились практически все северские города. Затем восстание перекинулось на земли брянщины и орловщины. Местная знать либо спасалась бегством, либо присягала на верность самозванцу.

Однако путь на Москву оказался не легким. В начале 1605 года значительная часть войска ушла от Григория Отрепьева из-за нехватки денег на выплаты наемникам. 21 января остальная часть войск была наголову разбита московскими полками. Лжедмитрий с жалкими остатками наемных войск намеревался через Путивль вернуться в Польшу, посчитав свое дело проигранным. Но жители Путивля воспротивились этому, угрожая в противном случае выдать самозванца властям. Начался сбор нового войска.

Однако время и обстоятельства работали на Лжедмитрия.13 апреля 1605 года умер царь Борис Годунов. Москва присягнула его сыну Федору. Пользуясь молодостью, неопытностью и отсутствием какого-либо авторитета молодого царя московская знать только и ждала случая, чтобы разделаться с ненавистной ей династией Годуновых. В мае князья Голицыны спровоцировали бунты в посланных против самозванца царских войсках. 16 мая Лжедмитрий через Путивль и Кроны возобновил движение к Москве.

В начале июня в Москве началось выступление городских низов против Годуновых. Не имеющая возможности влиять на события Боярская дума приняла беспрецедентное решение о заключении царя Бориса и царицы-вдовы Марии под домашний арест. 9 июня оба они были убиты.

Постепенно продвигаясь к Москве, «истинный царь» вел скрытые переговоры с представителями Боярской думы и патриарха. Боярство видело в самозванце только оружие для свержения засилия в Московии Годуновых. Догадываясь об этом, Отрепьев принимал все меры для обеспечения личной безопасности. Если с боярами о составе Думы ему удалось договориться достаточно легко, то патриарх Иов категорически не желал признавать «истинного царя». Учтя настроения москвичей, самозванец дал указание о низложении патриарха без какой-либо законной процедуры с последующим заточением Иова в монастырь.

Через Серпухов и Коломенское 21 июня 1605 года Лжедмитрий в окружении многотысячной охраны торжественно въехал в Москву. На Красной площади его встретило высшее московское духовенство и благословило иконой. «Царь» прошел вУспенский и Архангельский соборы, где поклонился могилам «своих» предков. Вслед за этим Отрепьев воссел в Тронном зале.

В первую очередь нужно было взамен низложенного Иова поставить своего человека. Уже 23 июня созванный по велению «царя» Освященный собор утвердил патриархом управителя Рязанского архиепископства Игнатия.

Лжедмитрий сделал распоряжение о возвращении из ссылки Нагих, Романовых, Черкасских и других опальных при Годуновых фамилий. В середине июля 1605 года в подмосковное село Тайнинское привезли старую, почти уже слепую старицу Марфу Нагую, мать настоящего царевича Дмитрия. Здесь после предварительной встречи с «сыном» старица признала его принародно.

Коронование Лжедмитрия состоялось 21 июля 1605 года в Успенском соборе Кремля. В тот же день самозванец принял титул императора. В день коронования было объявлено о традиционных царских милостях.

За государственные дела новый царь взялся сразу и основательно: ежедневно бывал в Боярской думе, вникая в обсуждаемые вопросы, сам обучал ратников, два раза в неделю собственноручно принимал челобитные, часто без охраны гулял по Москве, общаясь с простыми

людьми. Популярность Лжедмитрия была весьма высока. Постепенно в кремлевскую жизнь стали входить европейские порядки и обычаи.

Лжедмитрий I.

Став царем, Отрепьев наделал столько дорогостоящих покупок, что Боярская дума ввела ограничения на оплату его долгов.

Между тем пора было выполнить данные своим польским покровителям обещания. Отрепьев решил начать с женитьбы.

Народ в дело сватовства посвящен не был, духовенство же и родовитая знать категорически не желали женитьбы православного царя на католичке. Все сватовские дела были поручены Лжедмитрием дьяку Афанасию Власьеву. Отправленное в Польшу свадебное посольство, насчитывавшее до 300 человек, доставило в усадьбу Мнишека богатейшие подарки.

Всего до свадьбы в Польшу было переправлено подарков и денег на общую сумму около 4 миллионов серебряных рублей. 12 ноября 1605 года Власьев, представляя по доверенности русского царя, совершил в королевском замке в Кракове в присутствии короля Сигизмунда III обручение (помолвку) Лжедмитрия с Мариной Мнишек по католическому обряду. В Москве тем временем жених и до и после обручения наслаждался всеми «прелестями» разнузданного разврата.

2 мая 1606 года Марина Мнишек со своим отцом Юрием торжественно въехали в Москву. Свадебная процессия насчитывала до двух тысяч хорошо вооруженных человек. Невеста до свадьбы разместилась в Вознесенском монастыре. Свадьба была назначена на 8 мая, но из Ватикана пришел категорический отказ на просьбу Лжедмитрия разрешить миропомазание и причащение Марины по православному обряду, а без этого она не могла стать русской царицей. Обручение, венчание молодых и венчание Марины на царство оба авантюриста решили провести мгновенно, в один день, поставив приглашенных гостей перед совершившимся фактом. После долгих споров духовенство и бояре вынуждены были согласиться.

7 мая невеста переехала в свой только что отстроенный для нее кремлевский дворец. Утром следующего дня молодых обручили. В Грановитой палате Василий Шуйский произнес поздравительную речь в честь венчания Марины на царство и процессия перешла в Успенский собор: в православном храме был проведен обряд венчания иноземки-католички на православное царство**.** Своей католической вере Марина не изменила. После поздравлений всех иностранных гостей из собора удалили и патриарх обвенчал молодых по православному обряду.

Среди бояр тем временем зрел заговор против Лжедмитрия. Еще в зиму 1605-1606 годов Василий Шуйский тайно договорился с королем Сигизмундом III о призвании на русский престол его сына королевича Владислава Сигизмундовича в случае свержения Лжедмитрия.

Отрепьев знал о народных волнениях в Москве, но считал, и не без основания, что возмущения москвичей были вызваны не его царствованием, а наглым, вызывающим поведением заполонивших Москву поляков. До самозванца доходили слухи и о боярском заговоре, но дополнительные меры к обеспечению собственной безопасности были приняты им с большим опозданием.

В ночь с 17 на 18 мая 1606 года бояре-заговорщики провели в столицу отряд вооруженных людей, собрали остальных заговорщиков и на рассвете двинулись к Кремлю. Заговорщики во главе с Шуйскими и Голицыными ударили в набат и устремились к царскому дворцу. По сигналу набата народ сбегался на Красную площадь. Заговорщики распространили слух, что поляки хотят убить царя и перебить бояр. Москвичи ринулись громить дворы поляков. Царь заперся во внутренних покоях, а затем попытался бежать. Застигнутый заговорщиками он умалял дать ему свидеться с «матерью». Схватив самозванца, заговорщики выбивали из него признания в самозванстве. Отрепьев в самозванстве не сознался. Похоже, что он искренне верил в свое царское происхождение. Заговорщики убили свою жертву холодным оружием, а московский купец Мыльник в упор разрядил в него свое ружье. Колоть и рубить продолжали уже бездыханное тело. Народу объявили, что Отрепьев сознался в своем «воровстве» и выбросили тело в грязь посреди рынка.

19 мая труп Лжедмитрия перевезли к Убогому дому и закопали в яме. Через несколько дней по совету монахов труп выкопали, протащили по улицам и южнее Москвы в селе Котлы сожгли вместе с повозкой.

К. Вениг. Последние минуты жизни Лжедмитрия

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Василий Иванович Шуйский родился в 1552 году. Род Шуйских в родословице почитался и ставился «по отечеству» (т. е. по отцовству) выше всех прочих Рюриковичей. Суздальско-нижегородский род Скопиных-Шуйских вел свое начало от старшей линии потомков Александра Невского, а предки самого Василия Ивановича – от старшего брата Ивана Калиты.

Начало карьеры князя Василия не было особенно ярким. Он последовательно получал должности, полагающиеся ему по традиции местничества, без ярких взлетов и болезненных падений. В 1584 году в возрасте 32 лет Василий Иванович получил чин боярина. В 1587, за предложение царю Федору развестись с бездетной супругой, был ненадолго выслан из Москвы. В 1591 году при том же царе Федоре I вел следствие по делу о гибели в Угличе царевича Дмитрия. Постепенно приобщаясь к политической жизни русской столицы Шуйский должен был в совершенстве овладеть соответствующими и необходимыми для выживания такими чертами характера, как хитрость, изворотливость, осторожность, умение тихо сподличать или соврать.

Помилование князя Василия Шуйского перед казнью

Ко времени появления на исторической сцене Лжедмитрия I Василий Шуйский был одним из самых влиятельных бояр в Думе. В июне 1605 года попал под обвинение в замысле покушения на самозванца. Только в последний момент смертная казнь была заменена тюремным заключением с конфискацией всего имущества и вотчин. Впрочем, ссылка продолжалась не долго. Уже в июле после коронования Лжедмитрий в числе прочих царских милостей вернул братьям Шуйским и их достоинство, и имущество.

Царь Василий Шуйский

18 мая 1606 года Лжедмитрий был убит заговорщиками. После убийства и наведения порядка в столице бояре, высшие духовные и придворные чины заседали в Кремле всю ночь. Утром 19 мая московский люд собрался на Красной площади в ожидании решения Боярской думы

о престолонаследии. Однако единого кандидата Дума не имела, а корону оспаривали Шуйские, Голицыны, Романовы, Мстиславские. Из толпы выкликнули имя Василия Шуйского. Сторонники Василия тут же отвели князя на Лобное место и представили толпе. Таким образом, новый русский царь Василий Иванович Шуйский был избран без согласия всей земли и даже не всеми москвичами, а лишь оказавшимися волей случая 19 мая 1606 года на Красной площади Москвы. С Лобного места нового царя отвели в церковь, где он дал клятву управлять государством в согласии с боярами. В ответ бояре присягнули ему на верность. На следующий день по городам начали рассылать «подкрестные грамоты». Несмотря на явную некорректность процедуры избрания, Василий Шуйский имел, пожалуй, больше прав на престол, чем другие бояре.

Сразу после своего избрания Шуйский постарался определиться с уцелевшими после погрома поляками: часть из них была отпущена домой, часть оставлена в Москве в качестве заложников. Марине Мнишек вреда не причинили. Ее с отцом, братом и дядей оставили в Москве под стражей. Впоследствии Мнишеков перевели в Ярославль, остальных поляков разослали по другим отдаленным городам.

1 июня 1606 года Шуйский венчался на царство по обычному чиноположению. Последующие торжества и традиционные царские милости были весьма скромными.

Учитывая популярность Лжедмитрия в народе, 6 июня новый царь разослал по городам еще одну грамоту, в которой обвинял самозванца в намерении ввести на Руси католическую веру и перебить всех бояр и дворян. Этой ложью Шуйский пытался оправдать свое участие в свержении и убийстве самозванца.

Тем временем на границе с Литвой объявился еще один «законный» претендент на царский трон. Бежавший из Москвы пособник Григория Отрепьева, один из убийц Федора Годунова Михаил Молчанов, назвался спасшимся в Москве царем Дмитрием. Этого оказалось достаточно, чтобы против непопулярного Шуйского восстали Путивль, Белгород, Оскол, Елец и вся Северская земля.

В феврале 1607 года, пользуясь паузой в боевых действиях против войск Болотникова, Шуйский организовал торжественное перенесение праха Годуновых в Троице-Сергиев монастырь.

Летом того же 1607 года объявился новый самозванец, выдававший себя за царевича Петра, сына царя Федора Ивановича. Этот «царевич», а на самом деле житель Мурома Илейка, с небольшим отрядом казаков присоединился к войскам Болотникова и засев в хорошо укрепленной Туле отражал атаки московского войска. Войско возглавлял сам Василий Шуйский. По окрестным городам действовали царские карательные отряды, безжалостно подавляя малейшие проявления недовольства новым царствованием.

После взятия Тулы и разгрома войск Ивана Болотникова Шуйский посчитал, что все остальные окраины государства успокоятся сами собой. Царское войско вернулось в Москву.

В январе 1608 года царь Василий Иванович переселился в свой новый дворец в Кремле и в том же месяце женился на юной княжне Марии Буйносовой-Ростовской, с которой обручился еще при Лжедмитрии. Первой супруги Шуйского княжны Елены Репниной к тому времени уже не было в живых. Детей от обеих браков у Шуйского не было. Между тем, при каком - то благополучии в Москве, в стране царил беспорядок. Более половины европейской части России было охвачено гражданской войной. Смута перекинулась на Среднее Поволжье, Центр, Западные земли. По окраинам объявлялись все новые и новые самозванцы. Наконец, к радости всех бунтовщиков, в

конце 1607 года в Северской земле объявился снова якобы чудом спасшийся в Москве очередной Лжедмитрий, вошедший в историю как Тушинский вор.

На фоне всеобщей нелюбви к царю и полным ходом идущего разорения государства стала очевидной неспособность Василия Шуйского взять ситуацию под контроль. 17 июля 1610 года московские бояре, дворяне и окольничие предложили царю отречься от престола, что потребовала и собранная за серпуховской заставой народная сходка. С чувством облегчения переселился Василий Шуйский из царских покоев в свой старый княжеский дом, передав верховное правление боярскому совету во главе с князем Федором Мстиславским. Однако боярам нужно было зарабатывать авторитет перед населением. Предоставить почетную и спокойную старость бывшему царю они не хотели и не могли. 19 июля 1610 года Шуйского разлучили с молодой женой, в тот же день постригли обоих в монахи и развезли по отдельным монастырям: Марию в Вознесенский, Василия Ивановича – в Чудов. Братьев царя заключили в отдельные темницы. В дела московские вмешался польский король, попросив нелишать Шуйских жизни. Через несколько дней все царское семейство передали гетману Жолкевскому. До июня 1611 года Василий с Марией находились в резиденции польского короля в Смоленске. В октябре без жены, но с братьями, Шуйского перевезли в Польшу и поместили в качестве почетных заложников в Гостынском замке близь Варшавы. Условия содержания были вполне приличными, однако 12 сентября Василий Иванович Шуйский умер и был похоронен на кладбище при замке.

После заключения вечного мира с Польшей царь Михаил Романов добился от польского короля Владислава разрешения на перезахоронения Шуйского на родине. 11 июня 1635 года гроб с останками царя Василия Шуйского с почетом и царскими почестями был захоронен в Архангельском соборе московского Кремля.

МАРИНА МНИШЕК

Марина Мнишек – дочь польского сенатора и воеводы Юрия Мнишека и Ядвиги Торло родилась ок. 1588 г. Внешность Марины судя по сохранившимся портретам и дошедшим до нас свидетельствам современников не соответствовала русским представлениям о женской красоте. Даже на парадных портретах изображалось вытянутое, расширяющееся к низу лицо, жесткие очертания подбородка, тонкая линия поджатых губ, излишне длинный нос, редкие черные волосы, небольшой рост, хрупкое тело. Девичье лицо имело неприятную сухость, но в глубине маловыразительных глаз скрывались признаки острого изворотливого ума. Характером Марина пошла в отца: та же надменность, те же расчетливость и жадность к власти и богатству.

Увидев на балу, устроенном в их доме, молодого человека, которому отец Юрий Мнишек оказывал особые знаки внимания, Марина быстро усвоила, зачем и почему он здесь и чего хотел бы от нее отец. Она узнала, что этот юноша совсем недавно был слугой князя Адама Вишневецкого, теперь же признается в Польше законным наследником русского престола, сыном Ивана Грозного. Молодой человек не был красивым: рост мал, круглое неприятное лицо, широкий нос, большой рот, светлые волосы с рыжинкой, отсутствие растительности на смуглом лице, две больших бородавки у правого глаза, короткая шея, неодинаковой длины руки. Отчасти невзрачность компенсировалась выразительными темно-голубыми глазами, широкими плечами и грудью, большой физической силой. Но не это заслоняло в глазах Марины все его внешние недостатки, а открывающаяся перед ним блистательная будущность. Юрий Мнишек дал согласие на брак своей дочери с самозванцем. Он составил документ, согласно которому новоявленный русский царевич Дмитрий обязался после женитьбы на Марине отдать ей в удельное владение Новгород и Псков с прилегающими землями. Небыли забыты документом и интересы будущего тестя. Но выполнение пунктов контракта могло быть возможным только после завоевания русского престола. Свадьба была отложена до воцарения претендента на московском престоле.

Ю. Мнишек

Во взаимных чувствах жениха и невесты приходится сильно сомневаться. Скорее всего, Лжедмитрия и Марину объединяло отнюдь не трепетное чувство любви. Скорее всего это была сделка двух авантюристов с далеко идущими планами. Причем каждый из ее участников

преследовал свои цели. Старый Мнишек, привыкший жить за счет средств своих зятьев, богатых польских шляхтичей, рассчитывал вновь поправить и укрепить свое финансовое и общественное положение. Самозванцу, кем бы он ни был в действительности, брак с дочерью знатного воеводы обеспечивал помощь со стороны влиятельного дворянского рода и позволял надеяться на поддержку его авантюры польским королем. Ну а интересы самой Марины были целиком сосредоточены на власти. Главной чертой характера этой молодой женщины было неуемное честолюбие и время покажет, что на тернистом пути достижения царского величия она станет еще большей авантюристкой, чем ее партнер.

Марина Мнишек

Лжедмитрий был расчетлив и осторожен. Прежде чем вступить в открытую борьбу за московский престол со всемогущим Борисом Годуновым, он постарался заручиться поддержкой не только польских воевод и дворян, но и самого польского короля Сигизмунда III. Кроме того, ему

удалось склонить на свою сторону казаков, крайне недовольных правлением Годунова и наводнить Московию потоком «подметных» писем, доказывающих его царское происхождение и обстоятельства его «чудесного спасения». Неожиданная смерть Годунова облегчала его путь к московскому трону. Утвердившись в Москве и будучи уже венчаным на царство, Лжедмитрий не торопился с выполнением данных в Польше обещаний, в том числе и со своей свадьбой. Только осенью 1605 года, уверовав, что трон под ним достаточно надежен, он посылает в Польшу в качестве своего доверенного лица дьяка Афанасия Власьева в качестве

Лжедмитрий и Марина

своего свата. В королевском замке в Кракове в присутствии короля Сигизмунда III был совершен обряд обручения (помолвки) по католическому обряду, где роль жениха играл все тот же Афанасий Власьев. Через полгода царская невеста покинула Польшу и в окружении двух тысяч приближенных, гостей и слуг отправилась в Москву.В конце апреля 1606 г. Марина Мнишек остановилась в Вязьме на четырехдневный отдых, а 2 мая в сопровождении отца и свиты въехала в Москву. По приказу царя невесту разместили в Вознесенском монастыре. Назначив свадьбу на 8 мая, Лжедмитрий потребовал короновать Марину до свадьбы. Было ли это желанием кичливой невесты, или таким образом Дмитрий начал выполнять данное обещание о приобщении своего царства к католическому миру, но его требование было выполнено при поддержке нового, только что поставленного патриарха Игнатия. Коронация Марины Мнишек состоялась 8 мая и сложилась удивительная ситуация: на русском престоле оказались две царствующих особы – самозванец и иностранка-католичка, не имеющая, кстати, ни капли королевской крови!

В один день с коронованием Марины на царство состоялся и обряд бракосочетания Лжедмитрия и Марины. Но пышное венчание в Успенском соборе Кремля лишь подчеркнуло парадоксальность этого брака, т.к. до сих пор в вопросах престолонаследия и вероисповедания своих государей русский народ отличался невероятной разборчивостью.

Теперь судьба России зависела от того, кто будет главенствовать в этом странном семейном союзе. В случае же внезапной смерти Лжедмитрия власть в стране совершенно

Успенский собор в Кремле

законным образом могла перейти в руки католички Марины Мнишек, на что, наверное, и рассчитывал польский король, поддерживая самозванца и принимая деятельное участие в его женитьбе на Марине.

По Москве прокатился сумасшедший вихрь свадебных празднеств. В череде пиров, следовавших один за другим, Марина Мнишек чувствовала себя на вершине счастливых ожиданий. Самозванец веселился от души: он достиг всего, о чем только мог мечтать. Преданный ему воевода Петр Басманов пытался поделиться со счастливым молодоженом своими опасениями относительно нарастающего на Москве недовольства новым царем и назревающего мятежа. Царь лишь беспечно отмахивался.

В ночь на 18 мая Марина Мнишек была разбужена внезапным шумом. Мужа рядом не было. Перепуганная царица выскочила из опочивальни, смешалась с толпой мечущихся служанок и тем спасла свою жизнь: в лицо ее еще не знали и заговорщики, ворвавшиеся во дворец, загнали ее вместе с другими женщинами в девичью. Там она провела остаток ночи, так и не узнав о страшной смерти своего царя-мужа. Лжедмитрий был растерзан, но так и не выдал убийцам-заговорщикам своего истинного происхождения.

Михаил П. Клодт. Марина Мнишек с отцом под стражей.

На волне мятежа московский трон занял Василий Шуйский. Он распорядился выслать в Польшу всю польскую челядь, знатных же поляков, прибывших в Москву в составе свадебного кортежа, оставил в заложниках. В числе последних оказались и Марина со своим отцом. Они были лишены всего имущества и сосланы в Ярославль. Семейство Мнишеков стало, таким образом, козырной картой Шуйского в возможном его конфликте с польским королем Сигизмундом III.

К лету 1607 года распространился слух о появлении чудом спасшегося от рук заговорщиков царевиче Дмитрии. Но это был уже Лжедмитрий II. Его военный лагерь расположился в подмосковном селе Тушино, поэтому в истории он сохранился под именем «Тушинский вор». Очень скоро его власть признали почти все подмосковные города, а на службу к нему привели свои отряды знатные польские и литовские воеводы – Ромодан Рожинский, Ян Сапега, Александр Зборовский, казачий атаман Иван Заруцкий. Даже вожак казацко-крестьянского восстания Иван Болотников признал себя его воеводой.

Новому московскому государю Василию Шуйскому пришлось вести с новым самозванцем тяжелую войну. Шуйский опасался, что Тушинский вор может получить существенную помощь от польского короля Сигизмунда III. Не желая обострять отношения с Польшей, Василий Шуйский решил отпустить на родину семейство Мнишеков. В середине лета 1608 года Марина Мнишек вместе с отцом была перевезена из Ярославля в Москву. Ее заставили отречься от русского престола, после чего отец и дочь под конвоем были отправлены в Польшу.

Недалеко от границы, у деревни Любеницы, пленники были отбиты отрядом поляков, посланных на перехват конвоя. Их привезли в Тушино. Марина не сопротивлялась: она не видела своего мужа мертвым и надеялась на очередное чудо. Но встретивший ее в Тушино самозванец оказался не тем, кого она ожидала увидеть. Марина поначалу наотрез отказалась признать самозванца своим мужем, но поразмыслив, поняла, что судьба дает ей еще один шанс занять московский престол и осталась в Тушино со своим якобы законным мужем. Признание Мариной тушинского Дмитрия мужем укрепило положение самозванца. Теперь он мог перейти к активным боевым действиям.

В сентябре 1609 года Польша начала открытую войну с Россией – войска Сигизмунда III вторглись в пределы московского царства и осадил Смоленск. В Тушинском лагере начались раздоры. Лжедмитрий II бросил Марину и остатки тушинского войска и с верными ему казаками укрылся в Калуге.

Участь брошенной жены не привлекала Марину. Февральской ночью 1610 года, переодевшись гусаром, Марина вместе со служанкой и несколькими преданными ей казаками покинула Тушино, рассчитывая добраться до Калуги. Но вместо Калуги она почему то оказалась в Дмитрове – городе, осажденном к тому времени царскими войсками. Обороной города командовал польский воевода Ян Сапега. Марина стала помогать осажденным. К концу марта московские отряды сняли осаду Дмитрова и Марина смогла наконец добраться до Калуги. Здесь она активно помогала самозванцу и приняла участие в его походе на Москву. Лето она вынуждена была провести в селе Коломенском из-за своей беременности. К осени 1610 года бояре сдали Москву польским отрядам короля Сигизмунда III и Марина с Тушинским вором вернулись в Калугу. В один из декабрьских дней во время прогулки по городу Лжедмитрий II был убит своим приближенным Петром Урусовым. Спустя месяц у Марины родился сын – Иван Дмитриевич. Заботу о вдове и ее сыне взял на себя казачий атаман Иван Заруцкий и стал с тех пор постоянным спутником бывшей царицы.

Весною 1611 года Марина Мнишек покинула Калугу вместе с войском Заруцкого, направлявшегося в подмосковный лагерь Первого земского ополчения для борьбы с польскими интервентами. Здесь, в военном лагере, сын Марины, не без помощи Заруцкого, был объявлен законным наследником русского престола. Ведь кем бы ни был отец мальчика, его мать была еще до своей свадьбы коронована на Московское царство.

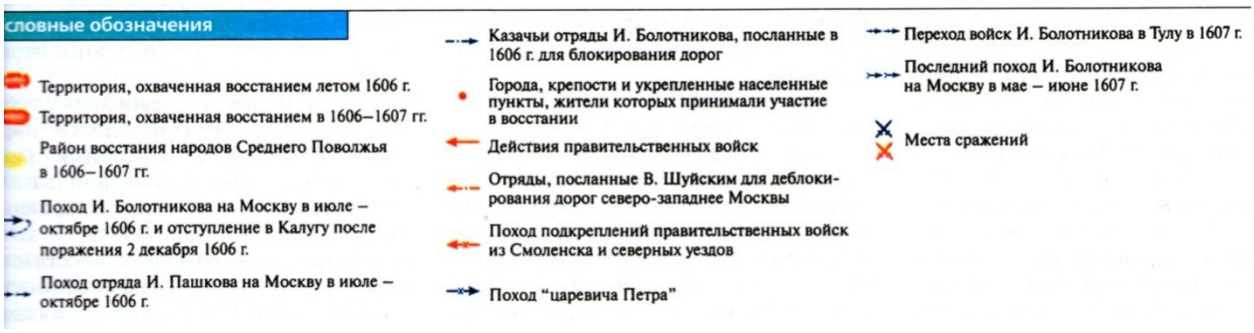
Первое земское ополчение распалось и Марина с «царевичем» и Заруцким еще оставались в лагере, когда в Пскове объявился новый самозванец – Лжедмитрий III. Заруцкий присягнул ему и стал активно отстаивать его права на престол. Но и эта авантюра закончилась полным провалом. »Псковский вор» Сидорка был выдан Москве. Заруцкому с Мариной и ее сыном пришлось бежать на юг. Заруцкий попытался склонить донских казаков к новому походу на Москву для возведения на царство сына Марины, но безуспешно – времена многочисленных самозванцев уходили в прошлое.

В июле 1613 года короновался на царство первый царь династии Романовых - всенародно избранный Михаил Федорович. После нескольких поражений отрядов Заруцкого царь направил атаману послание, обещавшее взамен на прекращение сопротивления сохранить жизнь ему, Марине и ее сыну. Заруцкий оставил послание без ответа. Его отряду удалось добраться до Астрахани. Убив астраханского воеводу, он захватил власть в городе и продолжал призывать юг страны к новому походу против царских войск. Марина с маленьким Иваном оставалась с ним. В марте 1614 года Астрахань осадили войска царского воеводы Семена Головина. В городе вспыхнуло восстание против Заруцкого. С Мариной и ее сыном Заруцкому удалось бежать из города через Каспийское море на реку Яик и укрыться на Медвежьем острове. Яицкие казаки выдали место расположения отряда Заруцкого. Все бунтовщики были схвачены и под охраной доставлены в Москву. Иван Заруцкий после жестоких пыток был посажен на кол. Несчастный царевич Иван Дмитриевич был публично повешен за Серпуховской заставой столицы. Марина Мнишек была отправлена в Коломну и заточена в одну из башен городского кремля, где впоследствии и скончалась.

ИВАН БОЛОТНИКОВ

После смерти Лжедмитрия I от рук заговорщиков упорные слухи о его чудесном спасении бродили по всему государству. Подогревали страсти и Мнишеки, остававшиеся в Кремле и еще питавшие призрачные надежды, что Марину признают законной царицей. Юрий Мнишек даже пытался устроить брак дочери с вдовствующим Василием Шуйским. Дума, однако, отвергла все их притязания и семья Мнишеков была сослана в далекий Ярославль. После этого все их надежды могли быть связаны только с чудесным спасением «царя Дмитрия». С помощью своих многочисленных родственников в Польше они решили сами организовать необходимое им чудесное царское спасение. Но для этого нужен был подходящий кандидат, обладающий даром авантюриста по крайней мере не меньшим, чем у Лжедмитрия I. Исполнить эту непростую роль согласился московский дворянин Михаил Молчанов, приближенный Лжедмитрия I, бежавший из Москвы после убийства самозванца. Он, кстати, участвовал и в убийстве Федора Годунова; так что терять ему было нечего. Когда Молчанов появился в Самборе, открытой поддержки польских властей он не получил: Сигизмунд III опасался мятежа в собственном королевстве, был осторожен и от помощи Мнишекам воздержался.

Между тем против непопулярного Шуйского уже поднялись все сторонники Лжедмитрия на юге государства. Они боялись расплаты за поддержку самозванца, да и лишаться полученных от него привилегий также не хотели. Момент для сторонников Мнишеков был самый подходящий, но вот беда – Молчанов совершенно не походил на Лжедмитрия I, и его нельзя было показать жителям юга. В это время в Польше появился Иван Болотников, человек с поистине фантастической биографией. Прежде он был боевым холопом князя Телетевского, служил в его вооруженной свите, бежал от него на юг и прижился у казаков. В одной из схваток с крымскими татарами попал в плен и перепродан туркам. В рабстве ему довелось стать невольником-гребцом на турецких галерах и участвовать в морских сражениях. В одном из таких неудачных для турок сражении был освобожден, оказался в Венеции и от туда через Венгрию, Германию и Польшу возвращался на родину. Мнишекам и Молчанову для начала и нужен был именно такой человек, способный сколотить новую армию и идти на Москву от имени истинного царя. Возложенным на него задачам и надеждам Иван Болотников соответствовал как никто другой: он ничего не знал о положении в России, никогда не видел Лжедмитрия. Обмануть его было не трудно и Молчанов успешно изобразил перед ним государя в изгнании. Болотников был отправлен в Путивль в качестве воеводы и личного представителя «царя». И очередная интрига себя полностью оправдала.



Действия И. Болотникова в 1606 – 1607 гг.

В начале лета 1606 года Болотников собрал большие силы и двинулся на Москву. Но на этот раз правительство было готово к мятежу. На южных рубежах стояли полки регулярного войска, в многочисленных крепостях было достаточно вооружения и запасов продовольствия. Повстанцы начали терпеть одно поражение за другим. Положение изменилось к концу лета. Царские войска начали нести тяжелые потери и отступать вглубь страны. Число восставших преумножалось. Поднимались все новые города и крепости. В стране начиналась настоящая гражданская война между сторонниками «законного царя» и приверженцами Василия Шуйского. В августе 1606 года отряды повстанцев разгромили полки воевод Ю. Трубецкого и И. Воротынского. Число сторонников Дмитрия множилось, правительственные же войска таяли. Царским воеводам пришлось срочно отступать к столице. Осенью 1606 года на сторону восставших перешла Тула, а в сентябре войско «царя Дмитрия» достигла Москвы. Огромная территория вышла изпод контроля Василия Шуйского.

Единого руководства у мятежников не было. Болотников наступал на Москву от Калуги, с юга двигались вольные казаки, от Рязани – отряды Прокопия Ляпунова, через Тулу – отряды сотника Истомы Пашкова. Сдалась крепость Коломна; путь на Москву был открыт.

Несмотря на все усилия Шуйского его вновь набранное войско потерпело жестокое поражение у подмосковного села Троицкое. Повстанцы вышки к Москве и заняли Коломенское. 28 октября началась осада Москвы. Через несколько дней к отрядам Ляпунова и Пашкова подошел Болотников.

К западу от Москвы повстанцы захватили Можайск, Вязьму, Волоколамск. Верный Шуйскому Смоленск оказался отрезанным, а сам Шуйский остался практически без войска и надежды на подкрепления. Наступал кульминационный момент восстания.

Казачьи отряды перекрыли дороги на Тверь и Новгород. Под Астраханью казаки разбили войско царского воеводы Федора Шереметева. Столица испытывала острую нехватку хлеба.

Шуйский пытался настроить горожан против самозванца. Организация торжественного перезахоронения Годуновых должна была напомнить народу о его злодеяниях. Не побоялся Шуйский и вооружить простолюдинов.

Затянувшиеся переговоры с мятежниками позволили Шуйскому выиграть время и укрепить столицу. Штурм Замоскворечья не принес успеха повстанцам. Переход на сторону Шуйского рязанских отрядов Ляпунова и Пашкова отражал процесс классового размежевания среди мятежников. 2 декабря войска Шуйского разбили повстанцев. Болотникову пришлось отойти к Туле и Калуге.

Болотников понимал, что дело может кончиться полным провалом и требовал возвращения к войску «царя Дмитрия», т. е. Молчанова, но это было совершенно невозможно.

На какое-то время положение спас очередной самозванец – «царевич Петр Федорович» а на самом деле – казак Илейка Муромец, выдававший себя за сына Федора Иоанновича. Еще весной 1606 года он поднял восстание на Тереке и успешно сражался с войсками Лжедмитрия. Он долго отказывался соединиться с войском Болотникова и только в ноябре 1606 года пришел с казачьим отрядом в Путивль. С «Петром Федоровичем» прибыли в Путивль терские, волжские и донские казаки, в начале 1607 года к нему присоединилось до 7 тысяч запорожцев. «Петр Федорович» учредил в Путивле Боярскую думу и двор, а во главе своих отрядов поставил знатных бояр. Однако местная знать даже под угрозой смерти не торопилась присягать «мужику»; в Путивле начались массовые казни, напоминавшие времена опричнины. «Петр Федорович» своими действиями способствовал серьезному разладу в рядах сторонников «царя Дмитрия», поэтому неудивительно, что к лету 1607 года многие северские дворяне оказались в стане Шуйского.

Зимой 1607 года его войска начали решительное наступление на восставших. Болотникова осадили к Калуге, «Петра Федоровича» - в Туле. Лишь в мае «Петр Федорович» смог помочь Болотникову подкреплением – отрядом князя Телятевского. Отряд Телятевского понес при этом серьезные потери, но способствовал прорыву Болотникова из блокады. Тула стала центром ожесточенных сражений. Шуйский принимал меры для консолидации сил господствующего класса. 9 марта 1607 г. было издано Уложение, усиливавшее закрепощение крестьян и холопов. Началось массовое наделение землей служилых людей. В результате боевых действий Василий

Шуйский остался почти без армии, но и у его противников не было сил для продолжения боевых действий.

А. Сафонов. Иван Болотников перед царем Василием Шуйским

Весной 1607 года в Белоруссии объявился новый самозваный Дмитрий II – Тушинский вор. Набор ратников под его знамена шел очень трудно. Однако к концу лета в Стародуб стали стекаться отряды наемников-поляков, касимовские татары, казаки и крестьяне. В начале сентября Лжедмитрий IIвыступил на Москву. Это снова осложнило положение царских войск. Восстанием была охвачена вся рязанская земля, на сторону Лжедмитрия II перешел князь Урусов с отрядами казанских татар и чувашей. Самозванец шел на Москву через Брянск и Козельск и везде встречал поддержку населения. Шуйскому необходимо было срочно покончить с блокированным в Туле войском И. Болотникова. Город был затоплен срочно построенной для этого огромной платиной. В городе начался голод. Болотников и «царевич Дмитрий» пошли на переговоры. Новый самозванец не торопился на помощь Туле и 10 октября 1607 года повстанцы сдались на милость победителей.

Болотников и «царевич Петр» были схвачены и брошены в тюрьму. Болотникова вскоре сослали в Каргополь, где он был ослеплен и утоплен. «Петра Федоровича» повесили у Данилова монастыря под Москвой.

ЛЖЕДМИТРИЙ II – ТУШИНСКИЙ ВОР

Новый самозваный Дмитрий, вошедший в историю как Лжедмитрий II или Тушинский вор, появился весной 1607 года в Белоруссии. По-видимому возымели действие призывы И. Болотникова к сторонникам Мнишеков прислать в Россию хоть кого-нибудь, кого можно было бы выдать перед терявшими веру повстанцами за царя Дмитрия. Но представленный кандидат на предлагаемую роль не очень-то тянул. Официальная версия гласит, что в роли Лжедмитрия выступил бродячий учитель, прислуживавший в доме священника в Могилеве. По другой версии новым самозванцем был некто Богданка – писец при Лжедмитрие I. Он попался на глаза ветеранам московского похода первого самозванца, которым показалось, что телосложением он чем-то схож с покойным государем. Ему был предложен выбор: или тюрьма за былые грехи, или

русский трон. Нового самозванца перевезли в северскую крепость Стародуб, где его уже ждал представитель повстанцев, казачий атаман Иван Заруцкий.

Лжедмитрий II

Но теперь предстоял самый решающий шаг в этой комбинации – убедить всех, что могилевский учитель и есть чудом спасшийся в Москве царь Дмитрий. На Лжедмитрия он вовсе не походил, должного воспитания и хоть какой либо властности также не имел. Но Заруцкий и его соратники свою часть спектакля разыграли блестяще. Наивные стародубцы поверили.

Появление долгожданного «истинного государя» способствовало возврату всеобщего воодушевления. Восстановить численность войска оказалось непросто, но удалось привлечь многих холопов и крестьян, пообещав им свободу и поместья. Одновременно за границей вербовали наемников. Дело шло медленно, но в июле 1607 года в Польше стали стихать внутренние мятежи и появилось много безработных солдат. Уже с августа в Стародуб стали прибывать отряды наемников. Появились и отряды казаков с русских окраин. В сентябре 1607 года новый самозванец двинулся к столице.

10 октября 1607 года Болотников и самозваный «царевич Петр» вынуждены были сдать Тулу. Падение крепости вызвало в войске Лжедмитрия II настоящую панику. Наемники бежали из России а самозванец укрылся под Орлом. Вновь он объявился только спустя несколько месяцев, зимою 1608 года. Угроза нового наступления побудила Шуйского казнить Болотникова («Петра Федоровича казнили еще до ссылки Болотникова - повесили у Данилова монастыря под Москвой).

Лжедмитрий II продолжал поход на Москву. Правительственные войска не могли остановить его продвижения, а солдаты переходили на сторону самозванца тысячами. В июне 1608 войска самозванца подошли к Москве, но взять город с ходу не могли. Ставка Лжедмитрия II расположилась в Тушино. Через месяц на помощь самозванцу подошло 20-тысячное войско

поляков Сапеги и Лисовского. Началась осада Троице-Сергиева монастыря. Василий Шуйский был надежно блокирован в Москве.

Б. Чориков. Осада Троице-Сергиевой лавры ляхами.

Установилось равновесие. Ни одна сторона не могла решиться на активные действия. Страна фактически раскололась. Тушинцам присягнули 22 города. Под власть самозванца перешли северские и приволжские земли. В Тушино были организованы своя Дума, своя система правительственных учреждения. Позиции самозванца особенно укрепились, когда в тушинский лагерь явилась Марина Мнишек. Опытная авантюристка сделала вид, что признала своего супруга. За полтора года расположения Лжедмитрия II в Тушино представители знати не раз переходили из одного лагеря в другой, т. к. реальной власти в государстве уже не было. За пределами больших городов и укрепленных военных лагерей по дорогам слонялись шайки разбойников, грабившие всех и готовые за мизерную плату служить кому угодно.

В середине июля польский король пообещал Тушинскому вору военную помощь. Василий Шуйский, в свою очередь, попытался договориться со шведами, которые находились в ту пору в состоянии войны с Польшей. Шведский король Карл IX согласился прислать на помощь Москве войска, но потребовал за это побережье Финского залива, отошедшее в свое время к России по условиям Тявзинского мира. Правительственные войска Шуйского под командованием князя Михаила Скопина-Шуйского с помощью шведов разгромили под Тверью крупный казачий отряд

самозванца. В ответ Сигизмунд III осадил Смоленск. Началась открытая польская интервенция

Князь М. В. Скопин – Шуйский.

В январе 1610 года русско-шведские войска Михаила Скопина-Шуйского и шведского генерала Делагарди разбили поляков под Троице-Сергиевым монастырем. Это заставило самозванца отойти от Москвы. Поспешное отступление сразу же вызвало противодействие Лжедмитрию II в северских землях, которые его войска подвергали особенно сильному разорению. Опасаясь полного разгрома, тушинцы начали переговоры с польским королем об объединении России и Польши. Наиболее благоприятный момент наступил после скоропостижной смерти Михаила Скопина-Шуйского. Для царя Василия Шуйского смерть популярного полководца было страшным ударом – народ, никогда не любивший его самого, готов был многое простить, пока Скопин-Шуйский одерживал победы. Теперь же никто не желал сражаться за Василия Шуйского.

В июне 1610 года польские войска разбили под Смоленском русско-шведское войско и двинулись на Москву. Одновременно на Москву двинулся Лжедмитрий II. Менее чем через месяц бояре свергли Василия Шуйского и насильно постригли его в монахи. Решено было избрать нового государя, а до этого власть должна была перейти к временному правительству, состоящему из семи бояр. В качестве кандидата на русский трон бояре выдвинули польского королевича Владислава. В августе под Смоленск к Сигизмунду III было отправлено великое посольство . Москва присягнула 15-летнему Владиславу. Было оговорено только одно условие – Владислав примет православие. В сентябре под предлогом защиты от Лжедмитрия II в столицу вошли польские войска. Это заставило самозванца отступить к Калуге. В декабре 1610 года Лжедмитрий II был убит дворянином Урусовым. Мария Мнишек горевала недолго и нашла утешение с красавцем Заруцким. А польский королевич так и не появился в Москве; недолгое его царствование осуществлялось через наместника.

Б. Чориков. Свидание М. Шуйского со шведским полководцем Делагарди. 1609 г.

Б. Чориков. Царь Василий Иванович Шуйский вступает в монашество. 1610 г.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Летом 1609 года войска польского короля Сигизмунда III осадили Смоленск; началась открытая польская интервенция. Теперь в Москве осознали, что под угрозой оказалось само существование московского царства. Главную роль в организации сопротивления сыграл патриарх Гермоген. Своей властью он освободил москвичей от присяги королевичу Владиславу. Активно призывали к сопротивлению и монахи Троице-Сергиева монастыря. Призывы духовенства подхватила земщина. В начале 1611 года рязанский дворянин Прокопий Ляпунов начал собирать ополчение. К нему присоединился и Заруцкий со своими «вольными» казаками.

Дмитрий Пожарский родился в 1578 году в семье князя Михаила Пожарского. Предками Пожарских были удельные князья Стародубские (младшая ветвь Владимиро-Суздальских князей). Пожарские числились в ряду известных, но захудалых фамилий. Рано потеряв отца, князь Дмитрий с 1593 года начал службу при государевом дворе царя Федора Ивановича. В начале царствования Бориса Годунова князя Пожарского перевели в стольники, а затем отправили из столицы в армию на литовскую границу. После смерти Годунова Пожарский присягнул самозванцу - Дмитрию и в продолжение его короткого царствования оставался в тени. Только при следующем царе, Василии Шуйском , Пожарского назначили воеводой. Верность его в боях с Тушинским вором была вскоре замечена. В 1610 году царь назначил Пожарского воеводой в Зарайск. Прибыв в крепость, он узнал о низложении Шуйского заговорщиками и поневоле вместе со всем городом целовал крест польскому королевичу Владиславу. Со временем между Пожарским и руководителем первого ополчения Ляпуновым установилась крепкая связь. В 1611 году Пожарский даже помогал Ляпунову освободиться от осады Пронска московским войском.

Оставив Зарайск на помощников, Пожарский тайком отправился в захваченную поляками Москву и начал готовить народное восстание против интервентов. Оно началось стихийно 19 марта 1611 года. Восставшие предприняли штурм Кремля, где вместе с польским гарнизоном отсиживалось и боярское правительство. Чтобы остановить восставших, поляки подожгли Москву. Пожарскому пришлось сражаться с поляками, имея под началом только горстку верных ему людей. В завязавшихся тяжелых боях Пожарский был ранен, без сознания вынесен из Москвы и переправлен в Троице – Сергиеву обитель на лечение. Ополченцы сформировали временное правительство – Совет всея земли. Возглавили его Прокопий Ляпунов, Иван Заруцкий и князь Дмитрий Трубецкой. Правительство, однако, оказалось не дееспособным: дворянское войско Прокопия Люпунова, вольных казаков Ивана Заруцкого и служилых казаков князя Трубецкого ничего не объединяло. Особенно несговорчивым оказались казаки Заруцкого. Оказалось, что они продолжают мечтать о настоящем казачьем царе, которым, по их мнению, мог стать маленький сын Марины Мнишек Иван Дмитриевич. Оставаясь в то же время традиционной вольницей, казаки продолжали грабить окрестности Москвы. В неразберихе ссор и взаимных обид Сигизмунд III взял Смоленск и открыто заявил о претензиях на московский трон и желании присоединить Россию к Польскому королевству.

Шведское войско между тем заняло Новгород. Новгородская знать, вспомнив о былой независимости от Москвы, решила, что настал подходящий момент и подписала со шведами соглашение. В ответ на независимость новгородцы обещали поддержать в качестве кандидата на московский трон шведского принца Карла-Филиппа и вступить в войну против Польши на стороне Швеции.

К осени 1611 Россия перестала существовать как единое независимое государство. Значительная часть территории, включая Москву, была оккупирована поляками. На юге продолжали разбойничать многочисленные самозванцы. Новгородская земля перешла под власть шведов. Более - менее стабильным оставалось положение на северо-востоке страны. Здесь все еще правили местные дворяне и горожане – земщина. Именно они составили «второе ополчение».

Осенью 1611 года с призывом пожертвовать всем ради освобождения земли русской обратился к жителям Нижнего Новгорода земский староста Кузьма Минин.

Точной даты рождения Кузьмы Минина не известно. В описываемые времена Смуты ему должно было быть 45-50 лет. Детство его прошло в городке Балахне на Волге, в 20 верстах от Нижнего Новгорода. Кузьма рос в многодетной семье соледобытчика Мины Анкудинова. Отец считался состоятельным человеком, имел три деревни с полями и строевым лесом и соляной промысел. В зрелые годы Кузьма, имея лавку на нижегородском торгу и скотобойню, слыл богатым и почитаемым горожанином. В 1611 году, в самый разгар Смутного времени, нижегородцы избрали его земским старостой.

М. Песков. Воззвание Кузьмы Минина к нижегородцам.

Городской совет внял призыву Минина и начал собирать средства. Минину поручили ведать сбором добровольных пожертвований. На собранные средства стало собираться войско. Командовать им пригласили князя Дмитрия Пожарского. Зимой 1612 года войско второго ополчения стало собираться в Ярославле. Там же был созван Совет всея земли, возглавляемый Мининым и Пожарским.

Неизв. Худ. Князь Д.М. Пожарский принимает московских послов.

Для разрешения текущих дел при ополчении возникли Разрядный, Поместный, Монастырский и другие приказы. Минин сумел даже организовать работу Денежного двора, где из серебра чеканили монету, употребляемую на жалование ратным людям. Зима ушла на подготовку войска и на непростые переговоры с казаками Ивана Заруцкого, все еще осаждавшими Москву. Заруцкий уже считал себя правителем и не принимал во внимание интересы земщины. Он дважды подсылал к Пожарскому убийц и не пропускал ратников из южных земель к Ярославлю. Разгорался конфликт и в лагере самих казаков, в результате которого Иван Заруцкий с донскими казаками вынужден был уйти в Коломну, где находилась Марина Мнишек и ее сын, а потом двинулся на Нижнюю Волгу. Из первого ополчения под стенами столицы осталось только две тысячи казаков под началом князя Трубецкого. Пожарский имел около десяти тысяч ратных людей.

Отношения ополченцев с оставшимися под Москвой постепенно наладились. В конце августа ополченцы Пожарского совместно с казаками не позволили отрядам поляков гетмана Ходкевича прорваться к осажденному в Москве польскому гарнизону. После первых побед силы двух ополчений объединились. Отныне все грамоты писались от имени трех руководителей: князя Трубецкого, князя Пожарского и «выборного человека» Кузьмы Минина. 22 октября русское ополчение взяло штурмом Китай-город; через четыре дня сдался и польский гарнизон в Кремле.

Э. Лисснер. Освобождение Кремля от поляков

Следующим важным делом была организация центральной власти. В первые же дни после очищения Москвы от захватчиков земский совет, состоящий из участников первого и второго ополчений, повел речь о созыве Земского собора и избрании на нем нового царя. На собор созывались выборные люди со всей России – представители черного и белого духовенства, бояре и дворяне, служилый люд, стрельцы, казаки, посадские и уездные жители, крестьяне. Этот исторический собор собрался в начале 1613 года и 21 февраля избрал на царствие шестнадцатилетнего Михаила Романова. С приездом его в Москву история Земского ополчения закончилась.

Заслуги Минина и Пожарского не были забыты вновь избранным царем. Пожарский получил чин боярина и еще долго оставался на царской службе. В 1615 году под Орлом Пожарский разгромил войска польского авантюриста Лисовского, в 1616 году ведал в Москве «казенными деньгами», в 1617 году оборонял от литовцев Калугу, в 1618 году освобождал от осады поляками Калугу и был среди воевод, оборонявших Москву от армии гетмана Ходкевича. По окончании Смутного времени Пожарский ведал Ямским и Разбойным приказами, был воеводою в Новгороде, ведал Поместным приказом. Уже на склоне лет Пожарский руководил строительством укреплений вокруг Москвы, возглавлял Судный приказ. Умер Пожарский в апреле 1642 года.

Кузьма Минин при Михаиле Федоровиче Романове стал думным дворянином, получил от него во владение большую вотчину – село Богородское с окрестными деревнями в Нижегородском уезде. Вплоть до самой смерти Минин пользовался полным доверием царя. В 1615 году, отправляясь на богомолье, Михаил Федорович оставил «на Москве» пятерых

наместников и Минина в их числе. В том же 1615 году по поручению царя Михаила Минин ездил в Казань для следствия. В следующем 1616 году возвращаясь назад, Кузьма Минин неожиданно заболел и умер по дороге. Тело его было погребено в родном Нижнем Новгороде.

ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН

В те времена, когда идея национального единства еще не достаточно укрепилась в сознании россиян, православная вера служила не просто синонимом всего «русского» и «национального», она воплощала в себе эти понятия со всей полнотой. И не случайно именно XVII век, весьма скудный на даровитых политиков, выдвинул целую плеяду ярких церковных деятелей, среди которых особую роль довелось сыграть трем московским патриархам: Гермогену, Филарету, Никону. Патриарх Гермоген даже в ряду этих славных церковных и государственных деятелей по праву занимает свое, особое место.

Место рождения Гермогена остается до сих пор неизвестным, так же, как и его происхождения. Начало исторической деятельность героя смутного времени началась в 1589 году, когда при царе Федоре Ивановиче в Москве утвердилось патриаршество. Гермоген был утвержден казанским митрополитом. В этом сане Гермоген сразу заявил о себе исключительной ревностью к православию. В казанской земле проживало много крещеных инородцев. Номинально считавшиеся православными, они продолжали жить по своим, языческим обычаям. Гермоген начал созывать таких лжехристианк себе. Но проповеди его не действовали. Начиная с 1593 года, митрополит велел собирать со всего Казанского края новокрещенных, населил ими отдельную слободу, устроил церковь и строго следил, чтобы новокрещенные соблюдали православные обряды и посты. Непокорных сажали в тюрьмы и жестоко наказывали.

Расцвет репутации Гермогена как ревнителя православной веры пришелся на годы Смуты. В 1605 году на престол взошел «царь Дмитрий Иванович» (Лжедмитрий I). В столице был устроен сенат, где должны были заседать и представители знатного духовенства. Гермоген также стал членом этого сената. Новый царь стал заводить в столице и при своем дворе новые европейские порядки и обычаи, ранее не виданные на Москве. При таких нововведениях Гермоген не мог долго оставаться в хороших отношениях с царем. Поводом к их полному разрыву послужило намерение самозванца жениться на польской дворянке - католичке Марине Мнишек. Сам царь не придавал значения различиям между католичеством и православием. Он желал только, чтобы его будущая жена не выражала явного пренебрежения к православной вере и совершала католические обряды тайно. Многие из московских дворян также не видели большой беды в католичестве невесты. Но Гармогена нельзя было удовлетворить какой либо сделкой. Он резко заявил, что без перехода невесты в православие сам ее брак с царем не будет действительным. Чтобы избавиться от несговорчивого митрополита, Дмитрий повелел удалить его назад в епархию и заключить в монастырь.

Такая твердость в вере была вскоре поставлена Гермогену в заслугу. В июне 1606 года самозванец был убит заговорщиками и на московский престол взошел Василий Шуйский. Гермоген был вызван в Москву и поставлен в патриархи. Шуйский надеялся этим заслужить поддержку Гермогена, но просчитался. Гермоген не относился к тем, кто покупается на ласку. Он служил не людям, а убеждениям. К тому же человеком он был грубым, упрямым, жестоким, но при этом отличался прямотой, честностью и непоколебимостью взглядов. С Шуйским он обращался подчеркнуто недружелюбно. Находясь в постоянных распрях с царем, Гермоген не щадил и его врагов, изобличая их как крамольников и смутьянов.

В июле 1610 года заговорщики во главе с Захаром Ляпуновым вопреки воле Гермогена свергли Шуйского с престола и насильно постригли в монахи. Патриарх не признал этого пострижения.

Как и предсказывал Гермоген, с падением Шуйского дела в государстве пошли еще хуже. В августе того же года к Москве подступили польские войска во главе с гетманом Жолкевским. Он

требовал, чтобы москвичи признали русским царем польского королевича Владислава, сына польского короля Сигизмунда. Боярская дума склонялась в сторону такого шага, но встретила в лице Гермогена непримиримого противника. Гермоген осуждал намерения бояр призвать на московский престол иноплеменника и соглашался на это только в самом крайнем случае и при непременном условии принятия им православия. Когда стороны пришли в этом пункте к принципиальному соглашению, Жолкевский потребовал, чтобы польских солдат впустили в Москву. Гермоген опять же этому противился, но в конце концов вынужден был уступить. В сентябре польский гарнизон занял кремль.

Смута после этого не только не утихла, а разгорелась с новой силой. Король Сигизмунд вскоре явно показал, что не думает сажать сына на московский престол, а имеет желание самолично занять его. Он двинул в русские пределы свои войска, осадил Смоленск.

В декабре 1610 года бояре во главе с князем Милославским принесли патриарху написанную ими для русских послов грамоту. Составлена она была в том смысле, что следует во всем положиться на королевскую волю. Гермоген ответил отказом и продолжал требовать принятия Владиславом православия. На следующий день Гермоген собрал народ в соборной церкви и убеждал их стоять за православную веру до конца и сообщать о своей решимости в другие города. После такой проповеди поляки приставили к патриарху стражу.

Твердость патриарха вдохновляла патриотов и поднимала их на сопротивление захватчикам. В городах началось сильное движение: собранные для очищения государства ратные люди получали благословение от духовенства и выступали из городов. Узнав, что патриарх благословил восстание на богохульных ляхов, за оружие взялись даже те города, которые прежде оставались глухи к бедам отечества. На Москву двинулись полки из Рязани, из Мурома, из Вологды, из поморских городов, из Галича, из Ярославля, из Костромы. Откликнулись даже прежние тушинские бояре: князь Трубецкой, атаман Иван Заруцкий. Во главе всего предприятия стал рязанский дворянин Прокопий Ляпунов.

Когда в начале января стало известно о приближении к столице отрядов Первого ополчения, бояре явились к Гермогену с требованием удобного им воззвания патриарха. Получив очередной отказ, строптивого патриарха препроводили в Чудов монастырь.

Но возлагавшимся на Первое ополчение надеждам не суждено было сбыться. Ляпунов, Трубецкой и Иван Заруцкий не смогли сплотить вокруг себя всех патриотов. Вскоре между ними начались распри. Казаки Заруцкого заманили Ляпунова на свой круг и изрубили саблями. Затем они стали насильничать над дворянами и горожанами. Ополчение распалось. К осени 1611 года под Москвой остались одни казачьи таборы, в которых находилось до 10 тысяч казаков. Осада столицы продолжалась, но сил к взятию города у казаков было явно недостаточно.

Вскоре Заруцкий вошел в сговор с женой первых двух самозванцев и присягнул со своими казаками на верность ее маленькому сыну Ивану («воренку»). Гермоген следил за событиями вокруг столицы и скорбел всей душой.

П. Чистяков. Патриарх Гермоген отказывает полякам подписать грамоту

Несмотря на все строгости своего заключения, Гермогену удалось переслать из Москвы несколько грамот. В одной из них, отправленной в Нижний Новгород, патриарх призывал горожан, чтобы во всех городах не признавали царем «Маринкина сына» под угрозой «проклятья от святого собора и от нас». Подобные письма были разосланы патриархом и по другим городам, подготавливая русских людей к следующему восстанию. Едва поляки услышали, что в Нижнем собирается новое ополчение во главе с Мининым и Пожарским, они опять стали добиваться от патриарха грамот в пользу королевича Владислава. За отказ Гермогена стали морить голодом. 17 февраля 1612 года патриарх скончался. Но семена, посеянные страстным патриотом земли русской, уже дали обильные всходы – по всей русской земле пересылались его гневные письма, под влиянием которых поднимались города и стекались в ополчение Минина и Пожарского ратные люди.